

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.Я. Чаленко

**Основные черты
морально - психологического
типа христианина по
новозаветному учению**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1912. № 6. С. 717-741.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Основные черты морально-психологического типа христианина по новозавѣтному ученію.

ВОПРОСЪ объ основныхъ и наиболѣе существенныхъ особенностяхъ духовно - нравственнаго міра истиннаго послѣдователя Христова—столь же давній, какъ и само христіанство, и не теряетъ своего важнаго жизненно-практическаго значенія на всемъ протяженіи исторіи этого послѣдняго. Въ научно-богословской области особенную остроту этотъ вопросъ получаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда христіанское ученіе о нравственности сопоставляется съ другими научными и философскими системами морали, или же когда идетъ рѣчь о возникновеніи христіанства и христіанской морали: отъ такого или иного рѣшенія вопроса объ основныхъ моральныхъ чертахъ истиннаго христіанина зависитъ такое или иное рѣшеніе и столь кардинальнаго для аналогіи христіанства вопроса, какъ вопросъ о степени *оригинальности и самобытности* христіанской морали и объ ея *значеніи* въ исторіи духовно-нравственнаго развитія человѣчества.

При рѣшеніи интересующаго насъ вопроса, главное вниманіе чаще всего обращаютъ на опредѣленіе существенныхъ моментовъ въ содержаніи основныхъ этическихъ *понятій*, возвыщенныхъ міру христіанствомъ, на соизмѣримость или несоизмѣримость этихъ понятій съ этическими *понятіями* же другихъ научно - философскихъ системъ. Иными словами односторонне - интеллектуалистическому, точнѣе *логическому* моменту въ данномъ случаѣ обычно удѣляется преимущественное, а иногда и исключительное вниманіе—результатъ сознательнаго или безсознательнаго увлеченія раціоналистическими тенденціями, получившими, въ общемъ, столь широкое и глубокое распространеніе въ наукѣ и философій на

всемъ протяженіи 18 и 19 в.в. Однако, о такой постановкѣ нашего вопроса мы едва ли въ правѣ сказать, что она проникаетъ въ самую глубину затронутого ею предмета. Вѣдь, областію представленій и логическихъ понятій нашего разсудка далеко не столь всесторонне исчерпывается внутреннее содержаніе духовно-нравственной жизни человѣка, чтобы на основаніи однихъ этихъ *понятій и сужденій* даннаго лица мы имѣли право дѣлать заключеніе, вообще, о его моральной природѣ и моральной цѣнности, какъ *цѣльной личности*. Напротивъ, область нашихъ представленій и логическихъ понятій, сравнительно со многими другими душевными функціями, отличается особенною неустойчивостію, подвижностію и, такъ сказать *поверхностностію*, вслѣдствіе чего, при сужденіи *объ основныхъ и наиболее глубокихъ и устойчивыхъ моральныхъ свойствахъ извѣстнаго лица и объ его сравнительной моральной цѣнности*, въ большинствѣ случаевъ оказывается рискованнымъ всецѣло полагаться на характеръ его нравственныхъ *понятій и сужденій*, игнорируя другія стороны душевной жизни человѣка, отличающіяся сравнительно большею глубиною и устойчивостію, какова, напр., область нравственныхъ инстинктовъ человѣка, его сердца и воли и, вообще, все то, изъ чего преимущественно складывается *нравственный характеръ* человѣка, со всѣмъ богатствомъ его психическаго содержанія. Въ силу этихъ соображеній, и при опредѣленіи основныхъ и наиболее устойчивыхъ нравственныхъ чертъ истиннаго христіанина, намъ представляется болѣе цѣлесообразнымъ центръ тяжести перенести изъ сферы *этическихъ понятій и сужденій*, возвѣщенныхъ міру христіанствомъ, въ болѣе конкретную, но въ то же время болѣе глубокую и устойчивую область—область *внутренней психики христіанина* вообще, со всѣмъ богатствомъ и разнообразіемъ ея содержанія, которое, какъ мы уже сказали, далеко не исчерпывается одними логическими понятіями и сужденіями. Другими словами, мы попытаемся, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, опредѣлить наиболѣе характерныя свойства истиннаго христіанина, какъ *морально-психологическаго типа*, на основаніи данныхъ Новаго Завѣта.

1. Два основныхъ морально-психологическихъ типа.

Въ сферѣ нравственности, въ широкомъ смыслѣ этого слова, можно, конечно, наблюдать большое разнообразіе пси-

хологическихъ типовъ, въ зависимости отъ разнообразія темпераментовъ данныхъ лицъ, ихъ общаго міросозерцанія, внѣшнихъ условій жизни и т. п.

Но все это разнообразіе морально-психологическихъ типовъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть сведено къ двумъ основнымъ, настолько кореннымъ образомъ различающимся между собою, что между ними нѣтъ *непосредственнаго* психологическаго перехода, вслѣдствіе чего измѣненіе одного изъ нихъ въ другой, противоположный ему, предполагаетъ не простую *эволюцію*, а *коренной переворотъ* во всей душевной структурѣ даннаго лица или общества. Эти два основныхъ морально-психологическихъ типа мы, можетъ быть не совсемъ точно, обозначимъ терминами: типъ *разсудочно-интеллектуальный* и типъ *сердечно-волевой*, въ зависимости отъ того, какая изъ основныхъ душевныхъ способностей человѣка играетъ роль доминирующаго фактора, опредѣляющаго характеръ стремленій и настроенія извѣстнаго лица, въ его отношеніяхъ къ самому себѣ, другимъ людямъ и ко всему міру, а также соотвѣтствующій характеръ его внѣшняго поведенія. Въ разсудочно-интеллектуальномъ типѣ такимъ доминирующимъ факторомъ является *разсудокъ* человѣка съ его *логическими* формами мышленія, или же, по терминологіи Канта, нашъ *теоретическій разумъ*, а по терминологіи великаго психолога-моралиста Ф. М. Достоевскаго (въ „Идіотѣ“), умъ—*не главный*. Въ основѣ же всѣхъ стремленій второго изъ отмѣченныхъ нами морально-психологическихъ типовъ, въ его отношеніи къ самому себѣ и къ внѣшнимъ вещамъ и людямъ, лежатъ преимущественно потребности и запросы человѣческаго *сердца* и *человѣческой воли*, т. е.—слѣдуя терминологіи Канта—постулаты нашего *практическаго разума*, или же, по Достоевскому,—запросы нашего *главнаго ума*. По существу, въ этомъ своемъ подраздѣленіи морально-психологическихъ типовъ мы слѣдуемъ тому же разграниченію, какое имъ даетъ въ своихъ романахъ Достоевскій, исходявшій въ данномъ случаѣ изъ основъ *христіанскаго міросозерцанія*, христіанскаго пониманія и христіанской оцѣнки характерныхъ чертъ нравственной природы человѣка ¹⁾.

¹⁾ Поясняя конкретными примѣрами нашу точку зрѣнія, мы скажемъ, что, по нашему мнѣнію, къ важнѣйшимъ разсудочно-интеллектуальнымъ типамъ въ романахъ Достоевскаго могутъ быть отнесены, напр., Раскольниковъ, Иванъ Карамазовъ и т. п. герои, руководившіеся

Каковы существенно-характерныя черты того и другого изъ отмѣченныхъ нами морально-психологическихъ типовъ, въ ихъ послѣдовательномъ и, такъ сказать, нормальномъ, естественномъ развитіи, и къ какому изъ этихъ морально-психологическихъ типовъ мы должны отнести типъ истиннаго христіанина, какимъ онъ рисуется предъ нами по учению Новаго Завета?

Коренное психологическое отличіе *разсудочно-интеллектуальнаго* моральнаго типа отъ *сердечно-волевого* заключается, прежде всего, въ преобладаніи въ немъ элемента *пассивности* или *косности* надъ элементомъ активности (независимо

въ своихъ поступкахъ, главнымъ образомъ, доводами своего *разсудка*, или же своего „не главнаго“ ума, а къ *сердечно-волевымъ* типамъ слѣдуетъ отнести такихъ героев Достоевскаго, какъ князь Мышкинъ, старецъ Зосима, Алеша Карамазовъ и нѣкоторые другіе, не блистающіе своимъ формально-логическимъ разсудкомъ, но зато богато одаренные *главнымъ* умомъ—чуткимъ до прозорливости сердцемъ и органически направленной къ добру волей. Во избѣжаніе недоразумѣній въ дальнѣйшемъ, мы здѣсь же считаемъ нужнымъ подчеркнуть, что употребляя термины „теоретическій разумъ“, съ одной стороны, и „практический разумъ“, съ другой,—мы этимъ вовсе не хотимъ сказать того, что подъ теоретическимъ разумомъ мы непременно подразумеваемъ наклонность къ *научному* отвлеченному мышленію, а практический разумъ понимаемъ въ смыслѣ житейской дѣловитости, или такъ называемой житейской практичности. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ въ виду просто *общій психологическій укладъ* извѣстнаго лица, *независимо отъ степени его умственного развитія или рода дѣятельности и занятій*, а въ зависимости отъ того, какая изъ указанныхъ нами выше основныхъ душевныхъ способностей человѣка оказывается въ немъ преобладающею. Человѣкъ разсудочнаго душевнаго уклада можетъ и вовсе не получить никакого научнаго образованія, равно какъ при этомъ свободно можетъ проявить наклонность къ *житейскому* практицизму. Смердяковъ съ такимъ же правомъ можетъ быть отнесенъ къ разсудочно-интеллектуальному типу, какъ и Иванъ Карамазовъ, несмотря на всю разницу въ ихъ умственномъ развитіи. Разсудочность того и другого нисколько не помѣшала имъ быть въ извѣстной степени практическими натурами *въ житейскомъ смыслѣ этого слова*. Напротивъ, какъ увидимъ ниже, *односторонняя разсудочность*, какъ нельзя больше, и предрасполагаетъ къ этому. Съ другой стороны, человѣкъ, въ душевной организаціи котораго преобладающую роль играетъ практический разумъ въ Кантовскомъ смыслѣ этого слова, можетъ не имѣть рѣшительно ничего общаго съ такъ называемою житейскою практичностью. Таковы, напр., упомянутые выше типы Зосимы, кн. Мышкина и Алеши, обладающіе богатымъ запасомъ практическаго разума, въ Кантовскомъ смыслѣ этого слова, и въ то же время совершенно чуждые житейскаго „практицизма“.

отъ самого содержанія нравственныхъ идеаловъ). Въ то время, какъ человѣкъ сердечно-волевого типа живо ощущаетъ и соответствующимъ образомъ реагируетъ на явленія внѣшняго міра или собственныхъ душевныхъ переживаній,—разсудочно-интеллектуальный типъ относится и къ самому себѣ и къ внѣшнему міру болѣе или менѣе безстрастно, преимущественно, какъ къ *объекту познанія* наличной дѣйствительности, а не какъ къ объекту, подлежащему въ той или иной мѣрѣ творческому воздѣйствію и измѣненію со стороны даннаго субъекта, соответственно запросамъ его сердца и его свободной воли. Другими словами, разсудочно-интеллектуальный типъ, въ противоположность сердечно-волевому, является, въ своемъ чистомъ видѣ, скорѣе безстрастнымъ наблюдателемъ всего происходящаго въ немъ самомъ и во внѣшнемъ мірѣ, чѣмъ активнымъ, творчески-дѣятельнымъ членомъ жизни, окружающей его извнѣ и происходящей въ немъ самомъ. Такого своего крайняго развитія отмѣченная нами характерная черта разсудочно-интеллектуальнаго типа, конечно, достигаетъ сравнительно рѣдко. Въ большинствѣ же случаевъ *пассивность* разсматриваемаго нами типа, какъ результатъ его разсудочнаго, такъ сказать, „головного“ отношенія къ жизни, проявляется въ томъ „жизтейскомъ спокойствіи“, или, вѣрнѣе сказать, въ той черствости, съ какою человѣкъ этого типа относится къ біенію пульса окружающей его жизни. Это—человѣкъ, который о себѣ съ правомъ можетъ сказать: „Не движась я смотрю на суету мірскую и философствую сквозь сонъ“. Этотъ типъ человѣка, *односторонне-разсудочно* и потому *пассивно-безучастно* относящагося къ жизни, несомнѣнно имѣлъ въ виду и Лермонтовъ въ своей извѣстной „Думѣ“ („Печально я гляжу на наше поколѣнье“). Такое флегматичное и косное отношеніе къ жизни со стороны человѣка разсудочно-интеллектуальнаго типа, само по себѣ, нисколько не препятствуетъ ему иногда быть „дѣльцомъ“ и „практичнымъ человѣкомъ“ въ житейскомъ смыслѣ этого слова, для чего весьма часто вовсе и не требуется проявленія свободной творческой активности, а достаточно бываетъ лишь уметь „плыть по теченію“, что вполне гармонируетъ съ его косностью и сердечной черствостью, съ его неспособностію живо и чутко откликаться на явленія окружающей его жизни. А поскольку *живое ощущение* (а не простое безстрастное познаніе) жизни, происхо-

дящей внѣ насъ и въ насъ самихъ, и соответствующее реагированіе на все то, что вызываетъ въ насъ извѣстныя чувства и стремленія, поскольку все это составляетъ самое существенное нормальное свойство всякой нравственности, какъ таковой,—постольку разсудочно-интеллектуальный типъ, въ своемъ послѣдовательномъ развитіи, идетъ къ отрицанію нравственности, какъ извѣстной самостоятельной сферы душевной жизни человѣка, стремясь все содержаніе этой послѣдней свести въ узкія рамки пассивно-познавательной дѣятельности человѣка. Аморализмъ—не безнравственность, въ смыслѣ *извращенія* нравственныхъ понятій и стремленій, а именно, *принципіальное отрицаніе* нравственности—является тѣмъ конечнымъ итогомъ, къ какому приходитъ разсудочно-интеллектуальный типъ, въ своемъ послѣдовательномъ развитіи, не выходя за черту своихъ специфическихъ категорій. Вслѣдствіе этого разсудочно-интеллектуальный моральный типъ, какъ идущій въ своемъ послѣдовательномъ развитіи по пути принципіальнаго отрицанія морали, тѣмъ самымъ, въ концѣ концовъ, по существу дѣла, приходитъ къ *самоотрицанію*,—тогда какъ сердечно-волевой типъ, творчески-активный по самой своей природѣ, въ своемъ нормальномъ послѣдовательномъ развитіи, стремится всесторонне исчерпать эту основную формальную черту нравственности и, слѣд., имѣетъ тенденцію къ *самоутвержденію*, а не къ самоотрицанію. Правда, и сердечно-волевой типъ не относится принципіально-отрицательно къ разсудочно-познавательной способности и дѣятельности человѣка; но эта дѣятельность въ его глазахъ не имѣетъ исключительнаго, по своей важности, и самостоятельнаго значенія, а скорѣе является лишь средствомъ къ развитію въ душѣ даннаго лица элементовъ его *свободной активности*.

Въ связи съ тѣмъ что нами отмѣченною характерною чертою разсудочно-интеллектуальнаго типа, въ его отличіи отъ типа сердечно-волевого, находится между ними другое существенно-характерное, тоже *формальное* различіе. Сущность его сводится къ тому, что въ то время, какъ сердечно-волевой типъ имѣетъ тенденцію къ утвержденію и всестороннему развитію тѣхъ душевныхъ элементовъ, которые составляютъ самое зерно человѣческой *личности*,—въ разсудочно-интеллектуальномъ типѣ, въ его, такъ сказать, чистомъ видѣ, эта тенденція выражена въ высшей степени слабо; даже

болѣе того: въ своемъ послѣдовательномъ развитіи, разсудочно-интеллектуальный типъ стремится не къ утвержденію себя, какъ *личности*, а къ самоотрицанію. Да иначе и быть не можетъ, разъ активность, которой недостаетъ разсудочно-интеллектуальному типу, составляетъ одно изъ основныхъ свойствъ личности, какъ таковой. Если человѣкъ и сознаетъ себя существомъ, отличнымъ отъ окружающаго его внѣшняго міра, не сливающимся съ этимъ послѣднимъ; если каждый изъ насъ въ своихъ собственныхъ глазахъ представляется имѣющимъ извѣстную самостоятельную цѣнность и значеніе,—то лишь потому и постольку, поскольку онъ сознаетъ себя *активнымъ* членомъ окружающей его міровой жизни, поскольку онъ, съ одной стороны, ощущаетъ въ себѣ воздѣйствіе внѣшняго міра, пріятное для него или непріятное, а съ другой стороны, чувствуетъ, что и онъ способенъ такъ или иначе реагировать и дѣйствительно реагируетъ на получаемыя имъ извнѣ впечатлѣнія. Именно, въ *сердцѣ* человѣка и въ его *свободной волѣ*, т. е. въ тѣхъ душевныхъ способностяхъ человѣка, которыя составляютъ фундаментъ его активности, и заключается зерно для развитія въ человѣкѣ сознанія его личности, его противоположности и самостоятельности, какъ *субъекта*, по отношенію къ внѣшнему міру, какъ *объекту*. Другими словами, постулаты для развитія въ человѣкѣ сознанія его личности исходятъ не отъ его теоретическаго разума, а отъ разума *практическаго*. Теоретическій же разумъ *самъ по себѣ*, со своими формально-логическими формами мышленія, не только не ведетъ къ развитію въ человѣкѣ сознанія его личности, но скорѣе наоборотъ, въ концѣ концовъ, приходитъ къ ея отрицанію. Прежде всего, для *безстрастно познающаго* теоретическаго разума, именно, вслѣдствіе этой *безстрастности*, значительно ступсывывается пограничная черта между субъектомъ и объектомъ: въ глазахъ теоретическаго разума, независимо отъ самоощущенія человѣкомъ себя, какъ существа чувствующаго и желающаго,—самъ познающій субъектъ является такимъ же *объектомъ* познанія (точнѣе самопознанія), какъ и объективный міръ. Съ другой стороны, этотъ внѣшній, объективный міръ нашему теоретическому разуму оказывается доступнымъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ прошелъ сквозь призму *субъективныхъ* формъ нашего мышленія. Отсюда—неизбѣжная склонность теорети-

ческаго разума къ крайнему субъективизму, при которомъ вѣншій міръ утрачиваетъ свою самостоятельную онтологическую цѣнность, равносильную съ познающимъ его субъектомъ. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ конечный результатъ получается тотъ же: граница между субъектомъ и объектомъ ступшевывается, а слѣдовательно, и тѣмъ и другимъ путемъ теоретическій разумъ, предоставленный самому себѣ, приводитъ человѣка къ его *самоотрицанію*, какъ личности.— Къ этому отрицательному выводу теоретическій разумъ приходитъ также въ силу того, что, смотря на человѣка и на весь міръ сквозь призму логическихъ формъ своего мышленія, т. е. сквозь призму *логической необходимости*,—онъ и во всемъ томъ, что является объектомъ его познанія, также склоненъ видѣть выраженіе законовъ *необходимости*. Характерную черту своей собственной природы теоретическій разумъ, такимъ образомъ, переноситъ и на весь міръ, объектъ своего познанія: субъективная *логическая необходимость* функций теоретическаго разума, будучи распространена имъ на объективный міръ, обращается въ *необходимость натуральную*. Строгій детерминизмъ является конечнымъ выводомъ теоретическаго разума человѣка,—тогда какъ его *практическій* разумъ, долженствующій считаться съ запросами человѣческаго сердца и свободной воли человѣка,—и во всей міровой жизни видитъ проявленіе не законовъ одной натуральной необходимости, а законовъ, исходящихъ отъ существа, одареннаго свободной волей, и потому носящихъ на себѣ отпечатокъ этой послѣдней. Но, при послѣдовательно проведенной детерминистической точкѣ зрѣнія, къ каковой имѣетъ необходимую склонность разсудочно-интеллектуальный типъ,—въ послѣднемъ не можетъ получить должнаго развитія сознаніе имъ своей *личности*, поскольку въ этомъ случаѣ человѣкъ мыслится, лишь какъ необходимое натуральное звено въ міровой жизни, лишенное способности свободного, активнаго воздѣйствія на вѣншій міръ и даже на ходъ теченія своей собственной жизни. Совершенно обратное мы, очевидно, должны сказать о сердечно-волевымъ типѣ, природѣ котораго односторонне-детерминистическая точка зрѣнія безусловно чужда. Само собою понятно, что детерминизмъ разсудочно-интеллектуальнаго типа, въ свою очередь, представляетъ изъ себя весьма неблагоприятную почву для развитія въ человѣкѣ его

активности. Детерминизмъ въ сферѣ практической жизни легко переходитъ въ *фатализмъ* и *апатию* ¹⁾).

Определенно выраженная склонность къ послѣдовательному *эмпиризму* и *натурализму* и вытекающая отсюда принципиальная *безрелигіозность*—составляетъ третью характерную черту разсудочно-интеллектуальнаго типа, въ его отличіи отъ типа сердечно-волевого, не удовлетворяющагося міромъ наличной, эмпирической дѣйствительности и стремящагося подняться въ область бытія премирнаго, каковое бытіе и является объектомъ религіознаго сознанія человѣка. Это наше положеніе является лишь непосредственнымъ выводомъ изъ того геніальнаго, по глубинѣ и тонкости, психологическаго и гносеологическаго анализа характерныхъ свойствъ теоретическаго и практическаго человѣческаго разума, какой давно

¹⁾ Въ русской художественной литературѣ наиболѣе послѣдовательное развитіе разсудочно-интеллектуальнаго типа, съ только-что нами разсмотрѣнной стороны, а вмѣстѣ съ тѣмъ сознательный или безсознательный, но фактически безпощадно строгій приговоръ этому типу, даетъ Л. Андреевъ, въ лицѣ полусумасшедшаго преступника, героя повѣсти „Мои записки“, смотрящаго на міръ лишь сквозь „желѣзную рѣшетку“ логически-разсудочной необходимости. Такой крайней притупленности въ области сердца и воли разсудочно-интеллектуальный типъ, конечно, достигаетъ сравнительно рѣдко. Весьма часто узкая разсудочность человѣка этого типа не препятствуетъ ему проявлять извѣстную внѣшнюю настойчивость и энергію въ достиженіи своихъ цѣлей. Но эта настойчивость и энергія разсудочно-интеллектуальнаго типа, поскольку онъ остается вѣренъ себѣ, всегда носитъ на себѣ печать *душевной холодности и инертности*, склонныхъ перейти въ тотъ своего рода душевный *автоматизмъ*, которымъ, напр., характеризуется дѣятельность фаталиста, даже при ея внѣшней настойчивости. При отсутствіи сильныхъ *душевныхъ переживаній*, внѣшняя твердость характера, сама по себѣ, еще не доказываетъ того, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ ярко выраженной свободной активностію; такая *внѣшняя* твердость характера легко можетъ уживаться съ *крайнею апатичностію* ко всему существующему, при которой, конечно, невозможно говорить ни о наличности въ этомъ человѣкѣ развитаго сознанія своей личности, ни объ его активности. Въ силу всего этого, мы въ правѣ подвергнуть сомнѣнію самую-то „твердость“ характера, которую часто, повидимому, проявляетъ человѣкъ разсудочно-интеллектуальнаго типа, разъ эта „твердость“ вытекаетъ не изъ полноты и богатства душевныхъ переживаній, а отъ недостатка этихъ послѣднихъ, отъ безучастнаго отношенія къ явленіямъ окружающаго міра или изъ фаталистическаго убѣжденія въ томъ, что „чему быть, того не миновать“ и что „отъ судьбы не уйдешь“... Это—не живой человѣкъ, а скорѣе—живая *машина*, или же, что называется, — „человѣкъ въ футлярѣ“...

уже сдѣланъ Кантомъ. И, дѣйствительно, разъ нашъ теоретическій разумъ самъ по себѣ, по самой своей природѣ, какъ это доказано Кантомъ, не можетъ подняться выше наличной эмпирической дѣйствительности, то, слѣд., и разсудочно-интеллектуальный морально-психологическій типъ, являющийся выраженіемъ характерныхъ свойствъ *теоретическаго* разума, по существу дѣла, пока онъ остается вѣренъ самому себѣ, долженъ или принципиально отрицать всякую иную дѣйствительность, помимо дѣйствительности эмпирической, т. е., долженъ отрицать бытіе премірнаго Бога, загробную жизнь и, вообще, потусторонній міръ, или же, по крайней мѣрѣ, считать все, выходящее за границу эмпирической дѣйствительности, чѣмъ-то для него лично совершенно безразличнымъ и не имѣющимъ никакого жизненно-практическаго значенія, поскольку все трансцендентное, *если* даже оно и существуетъ, не можетъ быть объектомъ познанія теоретическаго разума, предоставленнаго самому себѣ. Такъ или иначе, но *живого стремленія* къ премірному бытію разсудочно-интеллектуальный типъ, въ своемъ чистомъ видѣ, проявлять не можетъ, а слѣдовательно, къ нему безусловно, по существу дѣла, не приложимъ предикатъ *религіозности*. Если разсудочно-интеллектуальный типъ, съ его приматомъ *теоретическаго* разума, вопреки своей природѣ, въ силу какихъ-нибудь постороннихъ мотивовъ, и обнаружитъ попытку подняться выше границъ натуральной, эмпирической дѣйствительности, то далѣе голаго отрицанія этой послѣдней онъ, предоставленный самому себѣ, пойти не можетъ: отрицаемой имъ эмпирической дѣйствительности, которою исчерпывается все его содержаніе,—теоретическій разумъ разсудочно-интеллектуальнаго типа можетъ противопоставить лишь свои безсодержательныя формально-логическія категоріи мышленія, т. е. реальную эмпирическую дѣйствительность онъ въ этомъ случаѣ замѣняетъ логическими абстракціями отъ этой послѣдней. Самое большее отступленіе, какое въ данномъ случаѣ можетъ позволить себѣ теоретическій разумъ разсудочно-интеллектуальнаго типа, не теряя окончательно своихъ специфическихъ свойствъ,—это допустить бытіе Бога, какъ отвлеченной *идеи*, какъ отвлеченнаго *понятія*, но не какъ живой личности. Не можетъ разсудочно-интеллектуальный типъ самъ по себѣ возвыситься до понятія о личномъ Божествѣ и о личномъ безсмертіи человѣческой души и еще по-

тому, что ему, какъ объ этомъ мы говорили выше, вообще чуждо живое сознаніе *свободной личности*, какъ таковой. Признавая господство во всемъ мірѣ законовъ *натуральной необходимости*, теоретическій разумъ разсудочно-интеллектуальнаго типа по этому самому, вообще, не можетъ признать *личнаго* начала бытія, съ его свободной волей. Въ силу своей безрелигіозности, и *мораль* разсудочно-интеллектуальнаго типа естественно должна носить *автономный* характеръ. — Въ противоположность всему этому, *сердечно-волевой типъ*, съ его *практическимъ* разумомъ, постулирующимъ, по самой своей природѣ, какъ это доказалъ уже Кантъ, къ бытію премірнаго, личнаго, благого и всемогущаго Бога и къ признанію личной загробной жизни и мздовоздаянія, — является по этому самому не только типомъ, по существу *моральнымъ*, но также типомъ *религіознымъ*, при чемъ въ религіи сердечно-волевой типъ ищетъ *санкціи* своимъ моральнымъ, практическимъ потребностямъ и стремленіямъ, т. е. санкціи запросамъ своего сердца и воли и, такимъ образомъ, въ своемъ послѣдовательномъ развитіи, религію ставитъ выше морали, видя въ ней *основу* для этой послѣдней.

Принципіальный *теоретическій оптимизмъ*, нисколько не гарантирующий отъ самаго крайняго и безотраднаго пессимизма въ *жизненно-практической сферѣ*, — является дальнѣйшей характерной чертой разсудочно-интеллектуальнаго типа, въ его отличіи отъ сердечно-волевого, который, при *умѣренномъ пессимизмѣ* въ своемъ взглядѣ на *наличную дѣйствительность*, въ то же время полонъ *самыхъ свѣтлыхъ оптимистическихъ надеждъ* и чаяній относительно *будущаго* своей личной и міровой жизни. Теоретическій оптимизмъ естественнымъ образомъ вытекаетъ изъ самой природы теоретическаго разума, играющаго доминирующую роль въ душевной жизни разсудочно-интеллектуальнаго типа, — поскольку теоретическій разумъ смотритъ на весь міръ сквозь призму логическихъ формъ своего мышленія, вслѣдствіе чего, *логическую* стройность и связность своего субъективнаго міра понятій онъ переноситъ и на міръ объективный, постигая и его, какъ стройную систему понятій, но уже объективированныхъ, въ формѣ *натурально-цѣлесообразнаго космоса*. Въ этомъ космосѣ, каждая отдѣльная его часть, съ точки зрѣнія теоретическаго разума, не только стоитъ въ причинной связи со *всѣмъ* ходомъ міровой жизни, но и служитъ интересамъ

дѣлаго космоса, подобно тому, какъ въ субъективномъ мірѣ логическихъ понятій каждое изъ нихъ занимаетъ определенное ему законами логики мѣсто, служа интересамъ логической стройности всей связанной системы понятій даннаго лица. Но удержаться навсегда на этой принципиально-оптимистической позиціи разсудочно-интеллектуальный типъ могъ бы лишь въ томъ случаѣ, если бы и вся міровая жизнь текла исключительно по законамъ *теоретическаго* разума, сквозь призму котораго этотъ типъ стремится смотрѣть на міръ. Въ дѣйствительности же это—далеко не такъ, и дѣлесообразность наличнаго состоянія міра является вовсе не столь ужъ безусловною и безспорною, какъ этого хочетъ нашъ теоретическій разумъ. А такъ какъ душевная жизнь даже разсудочно-интеллектуальнаго типа не вся, безъ остатка, исчерпывается однимъ лишь его теоретическимъ разумомъ, хотя послѣднему здѣсь и принадлежитъ доминирующая роль; такъ какъ, помимо теоретическаго разума, внѣшній міръ, такъ или иначе, проникаетъ въ сознаніе *всякаго* человѣка также и сквозь призму его сердечныхъ и волевыхъ запросовъ и потребностей, далеко не всегда идя навстрѣчу этимъ послѣднимъ,—то естественно, что разсудочно-интеллектуальный типъ, при своемъ соприкосновеніи съ практическою жизнію, впадаетъ въ неразрѣшимыя, съ точки зрѣнія теоретическаго разума, самопротиворѣчія: теоретическій разумъ, этотъ безапелляціонный въ глазахъ разсматриваемаго нами типа судья, говоритъ о безусловной дѣлесообразности всего міра, а реальная, объективная жизнь говоритъ нѣчто другое. Но, разъ потерявъ подъ собою почву, теоретическій разумъ, именно, въ силу своей безусловной *логичности*, оказывается совершенно безпомощнымъ сохранить свою прежнюю оптимистическую позицію: теоретическій разумъ не можетъ примириться даже съ одной отрицательной инстанціей, поскольку тогда должно рушиться все его стройное зданіе субъективной системы понятій, подчиненныхъ необходимымъ законамъ логики, не признающей никакихъ исключеній изъ общаго правила. Потерявъ опору въ теоретическомъ разумѣ, разсудочно-интеллектуальный типъ, не имѣя въ то же время опоры въ практическомъ разумѣ, пока онъ остается вѣренъ самому себѣ,—неизбѣжно долженъ впасть въ противоположную крайность—въ *безнадежный пессимизмъ*. И этотъ пессимизмъ для разсудочно-

интеллектуальнаго типа оказывается тѣмъ болѣе безпросвѣтнымъ, что его теоретическій разумъ утверждаетъ *натуральную необходимость и неизмѣняемость законовъ наличной действительности и ихъ независимость отъ свободной воли человека*, откуда вытекаетъ *натуральная необходимость* наличнаго печальнаго положенія вещей и невозможность для человѣка этотъ порядокъ измѣнить; высшей же, сверхнатуральной помощи разсматриваемый нами типъ, какъ мы видѣли, не признаетъ. Теоретическое упорство въ отстаиваніи цѣлесообразнаго устройства вселенной въ данномъ случаѣ не только мало чѣмъ можетъ помочь дѣлу, но скорѣе способно еще болѣе усилить пессимистическое настроеніе даннаго лица. Въ самомъ дѣлѣ, имѣетъ ли сколько-нибудь достаточное основаніе рассчитывать на лучшее будущее тотъ, чьи стремленія и желанія не находятъ себѣ удовлетворенія даже въ цѣлесообразно-устроенномъ, на его взглядъ, мірѣ? Не *логичнѣе* ли будетъ, если такой человѣкъ признаетъ себя непригоднымъ членомъ въ общемъ цѣлесообразно-устроенномъ міровомъ организмѣ, самою природою предназначеннымъ къ смерти? Теоретическій разумъ разсудочно-интеллектуальнаго типа, если онъ будетъ вѣренъ себѣ, на эти вопросы несомнѣнно долженъ дать утвердительный отвѣтъ, въ смыслѣ совѣта покончить съ собою самоубійствомъ. Элементъ *пассивности*, составляющій одну изъ характерныхъ чертъ разсудочно-интеллектуальнаго типа, и самъ по себѣ и въ связи съ отсутствіемъ всякой надежды на сверхъестественную помощь,—несомнѣнно еще въ болѣе степеніи долженъ предрасполагать такого человѣка къ столь пессимистическому выводу: вѣдь, разсудочно-интеллектуальному типу болѣе свойственно *познавать* наличную действительность, чѣмъ энергично бороться съ ея дефектами. Не всегда, конечно, теоретическій оптимизмъ разсудочно-интеллектуальнаго типа смѣняется пессимизмомъ: для этого требуется наличность извѣстнаго рода тяжелыхъ жизненныхъ условій, которыя могли бы доказать фактическую иллюзорность теоретическаго оптимизма; но *возможность* такого рѣзкаго перехода отъ крайняго оптимизма къ не менѣе крайнему пессимизму въ психикѣ разсудочно-интеллектуальнаго типа всегда имѣется на лицо. Точно также не всегда пессимизмъ разсматриваемаго нами типа достигаетъ своихъ крайнихъ размѣровъ: въ большинствѣ случаевъ этотъ пессимизмъ огра-

ничивается просто *пассивно-апатичнымъ*, безучастнымъ отноше-
 ніемъ къ жизни, какъ результатъ сознанія своего безсилія
 измѣнить тяжелую наличную дѣйствительность.—Совершенно
 иную картину, въ разсматриваемомъ нами отношеніи, пред-
 ставляетъ изъ себя типъ сердечно-волевой. Постигая міръ
 сквозь призму желаній и стремленій своего *сердца* и *воли*, о
 полномъ удовлетвореніи которыхъ не можетъ быть рѣчи уже
 въ силу ихъ безграничности, въ силу того, что въ самой
 природѣ *практическаго разума*, какъ такового, лежитъ по-
 стоянная потребность активнаго видоизмѣненія дѣйствитель-
 ности, соотвѣтственно запросамъ человѣческаго сердца и
 воли, — въ силу всего этого, сердечно-волевой типъ, въ
 своемъ отношеніи къ наличной дѣйствительности, всегда
 бываетъ, въ извѣстной степени, проникнутъ духомъ *отно-
 сительнаго пессимизма*. Практическій разумъ сердечно-во-
 левого типа постигаетъ міръ не только съ точки зрѣнія
 его *наличнаго состоянія*, какъ это свойственно теоретиче-
 скому разуму, а предъявляетъ къ нему также вопросъ о
 томъ, какимъ онъ *долженъ быть*, чтобы онъ соотвѣтствовалъ
 идеаламъ его сердца и воли. Идеалы же эти, *поскольку они
 идеалы*, всегда идутъ *впередъ* наличной дѣйствительности, а
 потому извѣстное чувство *неудовлетворенности* этою по-
 слѣднею для разсматриваемаго нами типа—неизбѣжно. Но
 этотъ пессимизмъ сердечно-волевого типа, въ его чистомъ,
 идеальномъ видѣ, никогда не переступаетъ границъ песси-
 мизма *относительнаго, умѣреннаго*, поскольку чело-
 вѣкъ этого типа убѣжденъ въ возможности измѣненія къ лучшему на-
 личнаго несовершеннаго порядка вещей, исходя, во-первыхъ,
 изъ вѣры въ бытіе всемогущаго и благого личнаго Бога,
 Своею свободною волею могущаго направить къ благому
 концу ходъ міровой жизни и жизни каждаго отдѣльнаго че-
 ловѣка, во вторыхъ,—изъ вѣры въ возможность свободного и
 активнаго воздѣйствія и со стороны самого чело-
 вѣка на те-
 ченіе не только его личной жизни, но также и внѣшняго
 порядка вещей. Пессимизмъ сердечно-волевого типа, при
 взглядѣ на печальное *настоящее*, смягчается свѣтлой надеждой
 на лучшее *будущее*; активность же, присущая чело-
 вѣку этого типа, можетъ служить гарантіей того, что онъ, при нали-
 чности этой надежды, не погрузится въ сладостный квіэтизмъ,
 а будетъ дѣятельно и энергично стремиться къ тому, чтобы
 это отдаленное свѣтлое „будущее“ постоянно превращать въ
 осязательное „настоящее“.

Разсматриваемые нами два основныхъ морально-психологическихъ типа рѣзко различаются между собою и со стороны *конечной цѣли* нравственныхъ стремленій каждаго изъ нихъ и средствъ къ ея достиженію. Не выходя за предѣлы наличной эмпирической дѣйствительности, съ ея неизмѣнными натуральными законами, теоретическій разумъ разсудочно-интеллектуальнаго типа не указываетъ ему иной цѣли, кромѣ той, какая можетъ быть достигнута здѣсь на *землѣ*, и при посредствѣ *естественныхъ силъ самого человека*. Отъ своего *собственнаго теоретическаго разума* разсудочно-интеллектуальный типъ ищетъ указанія и цѣлей, къ которымъ онъ долженъ стремиться въ своей жизни, и средствъ къ ея достиженію, а иныхъ цѣлей и средствъ, кромѣ тѣхъ, какія можетъ дать натуральная, эмпирическая дѣйствительность, теоретическій разумъ, по своей природѣ, не указываетъ, да съ точки зрѣнія своего принципіальнаго оптимизма, въ его натуралистической окраскѣ, и не имѣетъ къ тому никакихъ побудительныхъ мотивовъ. По вопросу о конечной *цѣли* нравственныхъ стремленій человека и *средствъ* къ ея достиженію, въ разсудочно-интеллектуальномъ типѣ мы, такимъ образомъ, должны прежде всего отмѣтить три основныя черты—*односторонній интеллектualизмъ, натурализмъ и автономизмъ*. О Богѣ и общеніи съ Нимъ, въ духѣ любви къ Нему и послушанія Его волѣ, какъ конечной цѣли стремленій человека, о личномъ безсмертіи человеческой души, какъ необходимомъ условіи, при которомъ возможно совершенное осуществленіе этой цѣли, о сверхъестественной Божественной помощи, какъ существенно необходимомъ средствѣ къ достиженію этой цѣли,—обо всемъ этомъ, въ отношеніи къ разсудочно-интеллектуальному типу, въ его чистомъ видѣ, очевидно не можетъ быть и рѣчи, въ виду его принципіальной *безрелигіозности*. Самую большую уступку, какую въ данномъ отношеніи можетъ допустить разсудочно-интеллектуальный типъ, это—признать въ Богѣ конечную цѣль для *познавательной дѣятельности* своего теоретическаго разума, въ смыслѣ высочайшей *идеи* (объективированнаго понятія), завершающей собою стройную систему его понятій, а въ *познаніи* этой идеи, въ ея *теоретическомъ созерцаніи*—видѣть высочайшее блаженство человека. Но этимъ, очевидно, далеко не исчерпывается внутреннее содержаніе религіозной жизни человека, ищущаго въ Богѣ удовлетворенія не только

потребностямъ своего ума, но также потребностямъ *сердца и воли*. Такимъ образомъ *безрелигіозность* разсудочно-интеллектуальнаго типа составляетъ его характерную психологическую черту также въ рѣшеніи вопроса о конечной цѣли стремленій человѣка.—Не выходя въ своихъ стремленіяхъ за границы земной эмпирической дѣйствительности, разсудочно-интеллектуальный типъ, помимо сказаннаго, еще болѣе суживаетъ сферу своихъ стремленій—до тѣсныхъ рамокъ своего собственнаго „я“. Отсюда *эгоцентризмъ*, въ рѣшеніи вопроса о конечной цѣли стремленій человѣка, составляетъ одну изъ наиболѣе характерныхъ особенностей разсматриваемаго нами типа. И, дѣйствительно, теоретическій разумъ разсудочно-интеллектуальнаго типа на весь внѣшній міръ, въ томъ числѣ и на всѣхъ людей, смотритъ, какъ мы объ этомъ говорили выше, сквозь призму субъективныхъ формъ своего мышленія. Для разсудочно-интеллектуальнаго типа весь внѣшній міръ имѣетъ цѣну и значеніе не самъ по себѣ, а преимущественно, какъ объектъ для наблюденій и рефлексіи, какъ *средство* къ тому, чтобы заполнить содержаніе его собственнаго „я“. Отсюда—холодное безучастное отношеніе къ внѣшнему міру, стремленіе наложить субъективную печать своего собственнаго „я“ и своего собственнаго пониманія на предметы и лица окружающаго его міра, вмѣсто того, чтобы силою симпатическаго воображенія перенестись, такъ сказать, въ самую душу внѣшняго міра, особенно въ души другихъ людей, понять ихъ и оцѣнить съ точки зрѣнія *объективной мѣрки и объективной* ихъ значимости. Все это является характернымъ *психологическимъ* свойствомъ разсудочно-интеллектуальнаго типа, въ его чистомъ видѣ, которое мы и обозначали терминомъ „эгоцентризма“. Въ научно-философской области эгоцентризмъ разсудочно-интеллектуальнаго типа проявляется въ формѣ крайняго *субъективизма*, который въ своемъ послѣдовательномъ развитіи завершается *солепсизмомъ*; въ сферѣ же жизненно-практической онъ принимаетъ форму *эгоизма* съ его разновидностями — *эвдемонизмомъ, утилитаризмомъ и гедонизмомъ*. Неспособность и нежеланіе понять своего ближняго и, что называется, перенестись въ его душу, естественно, сопровождается отсутствіемъ снисходительности къ слабостямъ другого, отсутствіемъ терпимости къ его убѣжденіямъ, неспособностію и нежеланіемъ *сочувствовать* своему ближнему, — *сорадоваться или сострадать*

ему. Весь интерес душевной жизни такого человѣка переносится на его собственное „я“, на его личныя радости и горести. Отсюда, такъ называемый, узкій и черствый „практицизмъ“ въ обыденномъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ стремленія во всемъ наблюдать *собственную* выгоду, а также ограниченность духовнаго кругозора—составляютъ характерную черту разсудочно-интеллектуальнаго типа въ сферѣ его практическихъ отношеній къ людямъ. *Духовное одиночество* является лишь обратной стороною такого эгоистическаго отношенія къ людямъ, какимъ характеризуется разсудочно-интеллектуальный типъ. Правда, *личная* жизнь разсудочно-интеллектуальнаго типа, его личныя радости и горести также не отличаются характеромъ энергіи и интенсивности, поскольку, вообще, сознание своей личности у человѣка этого типа не получаетъ должной ясности и напряженности; но и при этой пониженной степени своей напряженности, личная внутренняя жизнь разсудочно-интеллектуальнаго типа продолжаетъ въ его глазахъ сохранять свое исключительно-самостоятельное значеніе и цѣнность, каковаго значенія онъ не желаетъ признать за другими людьми. Только общая пассивность и косность душевной жизни разсудочно-интеллектуальнаго типа и на его эгоизмъ часто налагаетъ въ данномъ случаѣ свою характерную печать: эгоизмъ его чаще всего проявляется не столько въ активномъ стремленіи принести личность другого въ жертву своимъ эгоистическимъ желаніямъ, сколько, именно, въ *апатичномъ, безучастномъ* или *черствомъ* отношеніи къ другимъ людямъ.—Въ противоположность всему этому, практическій разумъ *сердечно-волевого* типа въ его чистомъ видѣ, въ религіи полагающій основу и санкцію для морали и на этотъ земной міръ смотрящій, какъ на несовершенный и преходящій,—по этому самому и конечную цѣль стремленій человѣка ищетъ въ мірѣ трансцендентномъ, въ живомъ, личномъ Богѣ, съ тѣмъ, *чтобы жить въ Богѣ и для Бога* ¹⁾, что, въ свою очередь, мыслится

¹⁾ Въ противоположность разсудочно-интеллектуальному типу, постигающему Божество лишь въ смыслѣ абстрактной универсальной идеи, какъ объекта познанія теоретическаго разума человѣка,—сердечно-волевой типъ познаетъ Бога, или, точнѣе, ощущаетъ Его, главнымъ образомъ, своимъ *сердцемъ* и *активною* стороною своего существа. Отсюда и сознанию сердечно-волеваго типа Божество предстаетъ, какъ Существо не только мыслящее, но и *чувствующее* и *волящее*, т. е.,—какъ *свободная, живая личность*, а не просто отвлеченная идея.

вполнѣ достижимымъ лишь при условіи личнаго безсмертія человѣческой души и загробнаго мздовоздаянія, а однимъ изъ необходимыхъ средствъ къ достиженію этой цѣли, помимо активныхъ усилій самого человѣка, признается сверхъестественная Божественная помощь. Затѣмъ, если въ разсудочно-интеллектуальномъ типѣ мы видѣли рѣшительное преобладаніе, такъ сказать, центростремительной силы надъ центробѣжной; то практическій разумъ сердечно-волевого типа обладаетъ, скорѣе, обратнымъ свойствомъ: основной тонъ духовной жизни человѣка этого типа, въ силу его активности, заключается въ перенесеніи центра тяжести изъ сферы собственной самозамкнутой жизни человѣка въ сферу его внѣшнихъ отношеній. Внѣшній міръ человѣкомъ разсматриваемаго типа живо ощущается, какъ нѣчто не менѣе реальное, чѣмъ и его внутренній міръ. Вслѣдствіе этого, и на впечатлѣнія внѣшняго міра онъ отзывается чутко и глубоко, стремясь соотвѣтствующимъ образомъ на нихъ реагировать. Внутренняя, личная жизнь сердечно-волевого типа отъ этого нисколько не теряетъ въ своей содержательности и интенсивности; напротивъ, по сравненію съ разсудочно-интеллектуальнымъ типомъ, типъ сердечно-волевой отличается большимъ богатствомъ и разнообразіемъ личной жизни и большею ея напряженностью, поскольку въ сферу своихъ личныхъ интересовъ и переживаній онъ включаетъ и жизнь внѣшняго міра, а не просто безстрастно познаетъ ее. Но внутренняя жизнь сердечно-волевого типа въ его глазахъ всегда имѣетъ значеніе лишь въ своемъ соотношеніи съ внѣшнимъ міромъ, съ жизнью другихъ существъ. Другими словами, центробѣжный тонъ душевной жизни разсматриваемаго нами типа проявляется въ томъ, что содержаніе своей личной жизни онъ какъ бы стремится, по возможности, расширить, включая въ сферу личныхъ переживаній также жизнь другихъ существъ, или такъ сказать, *живя жизнью другихъ личныхъ существъ* (любя ихъ или ненавидя—это въ данномъ случаѣ другой вопросъ). Въ противоположность одностороннему субъективизму разсудочно-интеллектуальнаго типа, сердечно-волевой типъ, въ своемъ чистомъ видѣ, обладаетъ болѣе или менѣе развитою способностью, такъ называемаго, *симпатическаго воображенія*, пониманія другихъ людей,—способностію, что называется, заглянуть въ душу другого. Это—

та удивительная *прозорливость* сердца, точнѣе—симпатическаго воображенія, которая нашла свое художественное изображеніе въ лицѣ такихъ героевъ Достоевскаго, какъ князь Мышкинъ, Алеша Карамазовъ, старецъ Зосима и нѣкоторые другіе. Очевидно, что *конечною цѣлью* стремленій чело­вѣка разсматриваемаго нами типа уже не можетъ быть его личное „я“, въ его отрѣшенности отъ живой, реальной связи съ внѣшнимъ міромъ и другими людьми. Чело­вѣкъ сердечно-волевого типа, въ противоположность эгоцентризму разсудочно-интеллектуальнаго типа, по основнымъ задаткамъ своей природы,—является, по преимуществу, типомъ *альтруистическимъ*, находящимъ смыслъ своей жизни и ея счастье въ жизни для другихъ людей, въ любви къ нимъ. Личность другихъ людей, ихъ чувствованія, стремленія и желанія сердечно-волевымъ типомъ оцѣниваются съ точки зрѣнія ихъ *самостоятельной, объективной* значимости. Отсюда, у чело­вѣка разсматриваемаго нами типа, на ряду съ любовью къ другимъ людямъ, существуетъ уваженіе къ ихъ личности, какъ къ таковой, основанное на принципиальномъ признаніи и въ другихъ людяхъ тѣхъ же альтруистическихъ стремленій и чувствованій или, по крайней мѣрѣ, ихъ задатковъ, какія присущи ему самому. Отсюда же—гуманное, сострадательное и снисходительное отношеніе чело­вѣка разсматриваемаго нами типа къ другимъ людямъ: онъ умѣетъ мысленно поставить себя въ положеніе другого лица и другихъ людей поставить на свое мѣсто, вслѣдствіе чего, при оцѣнкѣ другихъ, онъ не предъявляетъ къ нимъ болѣе строгой мѣрки, чѣмъ къ самому себѣ. Въ люди сознанію сердечно-волевого типа поэтому представляются, какъ единый братскій союзъ равноправныхъ членовъ, находящій свое завершеніе въ Богѣ, какъ основѣ всего бытія, Отцѣ всѣхъ людей. Вполнѣ естественно, что и основной характеръ отношеній сердечно-волевого типа къ Божеству, въ Которомъ находитъ свое завершеніе *альтруистическая* тенденція этого типа,—также долженъ находить свое выраженіе въ чувствѣ *любви* къ Нему, а само Божество его сознанію представляется уже, не какъ абстрактная идея, а какъ *высочайшее Благо* и *всеобъемлющая Любовь*. Отсюда, основное содержаніе жизни сердечно-волевого типа, конечная цѣль всѣхъ его стремленій и его высочайшее благо находятъ свое краткое, но вполнѣ опредѣ-

ленное и точное выраженіе въ заповѣди: „люби Бога и ближняго, какъ самого себя“.

Послѣ всего сказаннаго, само собою становится понятнымъ и то, что разсудочно-интеллектуальный и сердечно-волевой типы должны принципиально расходиться между собою также въ пониманіи существа *добродѣтели*, какъ понятія, въ которомъ охватывается вся совокупность нравственной дѣятельности человѣка. Вполнѣ естественно, что въ глазахъ разсудочно-интеллектуальнаго типа добродѣтельнымъ человѣкомъ долженъ быть признанъ лишь тотъ, на всей дѣятельности котораго, въ той или иной степени, лежитъ печать *холодной разсудочности*. Въ своемъ крайнемъ послѣдовательномъ развитіи разсудочно-интеллектуальный типъ въ данномъ случаѣ приходитъ къ отождествленію всякой добродѣтели съ безстрастно-спокойной познавательной дѣятельностію нашего теоретическаго разума, свободной отъ всего того, что волнуетъ человѣческое сердце и волю, и къ принципиально-пренебрежительному отношенію къ практической дѣятельности человѣка, какъ къ таковой,—поскольку въ этой послѣдней доминирующая роль принадлежитъ не теоретическому разуму человѣка, а разуму практическому, его сердцу и волѣ.

Въ большинствѣ случаевъ, такъ сказать, рядовой разсудочно-интеллектуальный типъ къ такимъ крайнимъ выводамъ, конечно, не приходитъ, довольствуясь въ данномъ случаѣ компромиссомъ: не отрицая совершенно значенія за практической дѣятельностію, человѣка, онъ оцѣниваетъ внутреннее, этическое достоинство этой послѣдней, преимущественно, съ точки зрѣнія холоднаго разсудочнаго расчета, съ пренебреженіемъ и осужденіемъ относясь къ интенсивнымъ движеніямъ и порывамъ человѣческаго сердца и воли, которые, выводя человѣка изъ состоянія его душевной инертности и косности, не укладываются въ узкія логическія рамки, такъ называемаго, житейскаго „благоразумія“, или холодной „разсудительности“—этой основной добродѣтели рядового разсудочно-интеллектуальнаго типа ¹⁾.—Въ противополож-

¹⁾ Самое содержаніе добродѣтельной дѣятельности человѣка, съ точки зрѣнія эгоцентризма разсудочно-интеллектуальнаго типа, естественно, должно сводиться къ личной пользѣ и удовольствію cadaго человѣка, т. е. къ эгоизму.

ность этому, сердечно-волевой типъ существо добродѣтели человѣка полагаетъ не въ теоретически-познавательной его дѣятельности, какъ таковой—послѣдняя признается и цѣнится имъ лишь постольку, поскольку она удовлетворяетъ запросамъ *человѣческаго сердца и воли*—и не въ низведеніи движеній и порывовъ *человѣческаго сердца и воли* до уровня покорныхъ исполнителей велѣній *житейскаго благоразумія*, а въ признаніи за потребностями и движеніями *человѣческаго сердца и воли*, т. е. за его *практическимъ разумомъ* не только *самостоятельнаго*, но и *доминирующаго* значенія въ жизни *человѣка*. Съ точки зрѣнія *сердечно-волевого типа*, не теоретическій разумъ долженъ давать свои императивы разуму *практическому*, а наоборотъ, нормальное выполненіе теоретическимъ разумомъ своихъ познавательныхъ функций бываетъ возможнымъ лишь подъ условіемъ нормальности функций *разума практическаго*. Залогъ безошибочности и истинности сужденій и выводовъ нашего теоретическаго разума *сердечно-волевой типъ* видитъ въ *неповрежденности нашего практическаго разума—въ чистотѣ сердца чловѣка и въ его къ добру направленной волѣ*. Сердечно-волевой типъ въ своемъ поведеніи поэтому болѣе склоненъ прислушиваться къ голосу своего *сердца и воли*, чѣмъ къ голосу холодной „разсудительности“ и *житейскаго „благоразумія“*. Соотвѣственно этому, въ повышенной интенсивности внутренней душевной жизни *человѣка*, самой по себѣ, въ сильныхъ порывахъ его *сердца и воли* *сердечно-волевой типъ* не только не видитъ ничего предосудительнаго съ нравственной точки зрѣнія, но, наоборотъ, видитъ въ этомъ существенно необходимый (формальный) моментъ въ понятіи *добродѣтельной дѣятельности чловѣка*, какъ таковой. Какъ бы съ внѣшней стороны ни былъ цѣненъ извѣстный поступокъ даннаго лица, но если онъ совершенъ исключительно по мотивамъ холодной разсудительности, если въ его совершеніи не замѣтно порывовъ *добраго сердца чловѣка* и высокихъ стремленій его *воли*,—то въ глазахъ *сердечно-волевого типа* этическая цѣнность такового поступка, несомнѣнно, будетъ признана ничтожной. Холодно-разсудительный *человѣкъ*, относительно внутренней жизни котораго и его внѣшняго поведенія можно сказать, что онъ „ни тепедъ, ни хладенъ“,—такой *человѣкъ* никогда, въ глазахъ *сердечно-волевого типа*, не будетъ отнесенъ въ разрядъ людей добродѣтельныхъ, въ истинномъ

смыслъ этого слова. Что касается самого *содержанія* добродѣтельной дѣятельности человѣка, то оно, въ силу основного альтруистическаго тона душевной жизни сердечно-волевого типа, съ точки зрѣнія этого послѣдняго, естественно, должно совпадать съ отмѣченною нами выше основною цѣлью всѣхъ его стремленій, т. е. находить свое выраженіе въ заповѣди о любви къ Богу и къ ближнему, а не въ познавательной дѣятельности, какъ таковой.

Если разсудочно-интеллектуальный и сердечно-волевой типы принципиально расходятся между собою въ пониманіи природы и существа добродѣтели, то столь же радикально должны они расходиться между собою и въ рѣшеніи вопроса о томъ, *какимъ путемъ и какими средствами* человѣкъ можетъ преуспѣвать въ добродѣтели, а также вопроса о томъ, *кто*, именно, и *въ какой мѣрѣ* можетъ въ своей жизни осуществить идеаль добродѣтельной дѣятельности. Въ силу того рѣшительнаго предпочтенія, какое разсудочно-интеллектуальный типъ отдаетъ *теоретическому* разуму человѣка,—на первый изъ поставленныхъ нами вопросовъ онъ, несомнѣнно, долженъ дать отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что *только теоретическій* разумъ человѣка, съ его разсудочно-логическими выводами, и способенъ указать ему истинный путь къ добродѣтели, подобно тому, какъ онъ же долженъ, съ точки зрѣнія разсудочно-интеллектуальнаго типа, указать человѣку и истинный путь къ счастью. Другими словами, въ рѣшеніи вопроса о путяхъ и средствахъ къ добродѣтельной дѣятельности человѣка, разсудочно-интеллектуальный типъ приходитъ къ такому же одностороннему *интеллектуализму, автономизму и субъективизму*, какъ и въ рѣшеніи вопроса о путяхъ къ достиженію конечной цѣли стремленій человѣка—его счастья.—Въ противоположность этому, сердечно-волевой типъ путь къ добродѣтели долженъ усматривать не столько въ развитіи и обогащеніи теоретическаго разума человѣка, сколько въ очищеніи и облагораживаніи его *сердца* и въ укрѣпленіи его *воли*, поскольку, именно, въ *сердцѣ и волѣ*, съ точки зрѣнія сердечно-волевого типа, слѣдуетъ искать источника добра и зла. Кромѣ того, человѣкъ сердечно-волевого типа въ его чистомъ видѣ, въ силу своей религіозности, не можетъ и въ рѣшеніи разсматриваемаго нами вопроса ограничиться надеждой на одні естественныя силы человѣка, а ищетъ себѣ опоры во всемогущемъ и бла-

гомъ Богѣ и въ Его сверхъестественной, благодатной помощи.—На вопросъ о томъ, кто, именно, и въ какой мѣрѣ можетъ осуществить въ своей жизни идеаль добродѣтели,—разсудочно-интеллектуальный типъ, въ силу своей натуралистической и детерминистической тенденціи, склоненъ давать отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что въ своемъ стремленіи къ добродѣтельной дѣятельности человѣкъ ограниченъ необходимыми натуральными условіями своего существованія, вообще, и природными задатками своего *ума* и степенью его развитія, въ особенности, т. е., что и въ разсматриваемомъ нами отношеніи человѣкъ подчиненъ неизмѣннымъ законамъ *логической и натуральной необходимости*, надъ которыми свободная воля человѣка не властна. Отсюда—аристократически-пренебрежительное отношеніе человѣка разсудочно-интеллектуальнаго типа къ людямъ, стоящимъ, по его мнѣнію, на низкой ступени *умственного* развитія, поскольку такіе люди признаются имъ неспособными и къ высокому *нравственному* развитію. Въ противоположность этому, сердечно-волевой типъ ни для кого не считаетъ закрытымъ путь къ самымъ высшимъ ступенямъ добродѣтели, поскольку признаетъ за невыблемую истину, что нравственное усовершенствованіе человѣка зависитъ отъ его свободной воли, всегда, къ тому же, могущей разсчитывать на Божественную помощь свыше. Отсюда—вѣра сердечно-волевого типа въ возможность радикальнаго нравственнаго возрожденія человѣка, какъ бы низко нравственно онъ ни палъ. Въ частности, сердечно-волевой типъ въ дѣлѣ нравственнаго преуспѣянія человѣка не склоненъ признавать важнаго значенія за теоретическимъ разумомъ человѣка, какъ и вообще за этимъ послѣднимъ онъ признаетъ лишь *второстепенное* значеніе въ нашей душевной жизни.

Принципіальное различіе между разсудочно-интеллектуальнымъ и сердечно-волевымъ типомъ, наконецъ, можно усматривать въ рѣшеніи ими такихъ основныхъ вопросовъ морали, какъ вопросы о природѣ и значеніи человѣческой *совѣсти*, о такъ называемомъ *нравственномъ законѣ* и *мотивахъ* нравственной дѣятельности человѣка. Въ данномъ случаѣ намъ, впрочемъ, достаточно будетъ ограничиться простымъ выводомъ изъ того, что сказано было выше о характерныхъ чертахъ каждаго изъ разсматриваемыхъ нами моральныхъ типовъ. Присущая природѣ разсудочно-интеллек-

туального типа тенденція къ одностороннему раціонализму (разсудочности), субъективизму и автономизму, естественно, скажется и въ рѣшеніи имъ вопроса о природѣ человѣческой совѣсти и существѣ того нравственнаго закона, которымъ долженъ руководствоваться человѣкъ въ своей жизни: голосъ совѣсти человѣкъ разсудочно-интеллектуального типа несомнѣнно, конечно, будетъ отождествлять съ голосомъ своего собственнаго теоретическаго разума, видя въ этомъ послѣднемъ единственнаго моральнаго судію и законодателя. Содержаніемъ же понятій нашего субъективнаго теоретическаго разума, въ глазахъ разсудочно-интеллектуального типа, исчерпывается и все содержаніе того нравственнаго закона, которымъ человѣкъ долженъ руководствоваться въ своей жизни и дѣятельности. Само собою понятно, что при такой субъективистической точкѣ зрѣнія на природу человѣческой совѣсти и на содержаніе нравственнаго закона, разсудочно-интеллектуальный типъ ни за совѣстью, ни за нравственнымъ закономъ не можетъ признать значенія абсолютнаго и неизмѣннаго критерія нравственности, но лишь значеніе критерія *несовершеннаго, относительнаго и измѣнчиваго*.—Въ противоположность этому, сердечно-волевой типъ моральную основу совѣсти усматриваетъ въ императивахъ своего *практическаго* разума,—въ голосѣ своего *сердца* и *воли*, при чемъ, за внутреннимъ голосомъ своей совѣсти онъ не рѣшается признать значенія конечнаго нравственнаго критерія и вполнѣ неподкупнаго судіи и законодателя: высочайшимъ *внѣшнимъ* и *объективнымъ* критеріемъ нравственности сердечно-волевой типъ, въ своемъ послѣдовательно развитомъ, чистомъ видѣ, считаетъ Бога и Его волю. Отсюда, и содержаніе нравственнаго закона, съ точки зрѣнія сердечно-волевого типа, въ конечномъ итогѣ, должно совпадать съ требованіями Божественной воли и потому носить характеръ абсолютной, вѣчной и неизмѣнной истины.—Что же касается *мотивовъ* нравственной дѣятельности *человѣка*, то по данному вопросу различіе между двумя разсматриваемыми нами моральными типами, по существу, сводится къ тому же, въ чемъ оно сказывалось и въ рѣшеніи этими двумя типами вопроса о конечной цѣли стремленій *человѣка*, поскольку та *цѣль*, къ которой стремится *человѣкъ*, одновременно является также и основнымъ *психологическимъ мотивомъ* его стремленій.

Таковы, въ общемъ, на нашъ взглядъ, наиболѣе характерныя черты двухъ основныхъ моральныхъ типовъ—разсудочно-интеллектуальнаго, съ одной стороны, и сердечно-волевого, съ другой. Въ реальной жизни и тотъ и другой типъ, въ своемъ чистомъ, такъ сказать, идеальномъ видѣ, конечно, встрѣчаются сравнительно рѣдко; въ большинствѣ же случаевъ намъ приходится констатировать лишь фактъ *преобладанія* въ томъ или иномъ лицѣ чертъ того или иного изъ разсмотрѣнныхъ нами морально - психологическихъ типовъ.

Къ какому же изъ этихъ двухъ морально-психологическихъ типовъ мы должны отнести типъ истиннаго христіанина, какъ онъ обрисованъ въ священныхъ новозавѣтныхъ книгахъ? *).

И. Чаленко.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки